

Лютик Бухлов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

«ТРИ КИТА»

18+

Развратная трахикомедия
в трех действиях

Лютик Бухлов

Три кита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64027261

SelfPub; 2021

Аннотация

Отцензурированная с разрешения месткома и культ-просветкомиссии похотливая трахикомедия в трех действиях. О проституции, схемах, контрабанде, власти, работе спецслужб и человеческих слабостях. Всё, по М. Булгакову, построено на силах природы и представляет собой бурлящую и непреодолимую человеческую слабость обычных граждан, подавляемую «российским великодержавием» Содержит нецензурную брань.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Картина первая	6
Картина вторая	18
Действие второе	28
Картина первая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лютик Бухлов

Три кита

Любую жизнь можно обналчить, но какова плата?

Действующие лица

Тома Семеновна *расчетливая женщина, проститутка и содержательница салона для мужчин, 40 лет.*

Юрий Комарницкий *эсбэушник, 35 лет.*

Илья Перекидов *начальник таможни, 40 лет*

Юлечка *роскошная и свежая проститутка, любовница Перекидова, 25 лет.*

Дарка Звонкая *лесбиянка, феминистка, занимающая должность в Генеральной прокуратуре, 28 лет.*

Санька Куролесова *нимфа, проститутка и любовница Дарки, 35 лет.*

Валера Грузин *криминальный элемент и контрабандист, 55 лет.*

Тсера *цыганка, гадалка, 50 лет.*

Нестор *молчаливый охранник, 30 лет.*

Все действия, кроме с участием гадалки, происходят в

комнате отдыха администрации салона для мужчин «Три кита». Место действия – Киев.

Середина 2000-х годов. Комната находится при входе в полуподвальное заведение и отделена от коридора большим аквариумом-зеркалом, сквозь которое видно проходящих на ресепшн посетителей. Из-за зеркальной поверхности они не видят того, что делается в комнате.

Действие первое

Картина первая

Комната отдыха стрип-клуба «Три кита». Пара диванов, журнальный столик, мини-бар в офисном шкафу. Доносится характерная музыка. За столиком в откровенном платье Тома Семеновна пересматривает тетрадь с записями и переносит их в смартфон, иногда поднимает голову и смотрит на зеркало-аквариум, с другой стороны которого проходят посетители. Чуть большие красного освещения.

Тома Семеновна (*напевает песню Шуфутинского*).

*Пусть тебе приснится Пальма-де-Майорка,
В Каннах или в Ницце ласковый прибор...*

Ничего, я всё переживу, всё вытерплю и буду свободной! Вот и еще одна «штучка» денег делает ближе меня к Лазурному Берегу. Если бы так было каждый день, я бы уже года за три там ножки грела. (*Напевает пародию на песню Аллегровой.*)

*Я тучи разведу ногами
И в прошлое закрою дверь.*

Открывается дверь, и в комнату входит Юлечка в костюме для стриптиза.

Юлечка. А вы всё поёте, Тома Семеновна.

Тома Семеновна. А что делать? Без юмора прожить нельзя. Выше нос или юбку, девочка!

Юлечка. Какая скотина этот эсбэушник Комарницкий – меня облапал. Бесплатно! Так беспардонно. Они там в своей «иСБушке» думают, что им всё можно, всё на халяву.

Тома Семеновна. Зайчик, ладно тебе. Он тут столько денег оставил, что мог бы уже себе звание генерала купить.

Юлечка. Вы так говорите, потому что он ваш любовник. А он кобель!

Тома Семеновна. Не кобель, а человек с повышенным гормональным темпераментом. Простота ты народная.

Юлечка. Такдайте ему йоду для профилактики щитовидки. Но, судя по всему, у него не там эти ваши гормоны выделяются.

Тома Семеновна. А кто же тогда, зайчик, тебе морковку здесь позволит окучивать? Закроют, и поедешь в свой Запендрищенск на базаре секонд-хенд продавать. Там все тебя бесплатно лапать будут.

Юлечка. Может, я еще на учебу в универ вернусь, почему секонд-хенд? Злая вы.

Тома Семеновна. Не злая, а реалистка. Не дуйся, девочка. Так а что ты хотела? А то заходишь издалека, как боинг на посадку. Поболтать?

Юлечка. Томочка Семеновна, вы знаете, у меня есть уха-жер – Ильюша, таможенник. Так вот, я хотела попросить вас, чтобы вы поговорили со своим эсбэ-ушником Комарницким, чтобы он по поводу его ко мне не приставал. Вы ему близки, он вас слушает.

Тома Семеновна. Не поняла?! Вот это поворот. Кого чего попросить? Учись говорить понятней. Ну ладно. А чего он от него хочет?

Юлечка(слегка надув щеки). От него ничего. Хочет, чтобы на него стучала. Или, как он говорит, иногда кое-что рассказывала или выпрашивала. Я таким заниматься не могу. У нас с ним любовь. Он мне шубку подарил. И вообще, что ему должна рассказывать о клиентах? Как я трусики им на головы одеваю? Мне проблем и так хватает.

Тома Семеновна(примирительно). Да это он по работе интересуется, им за это палочки-галочки ставят.

Юлечка. Палочки он здесь ставит, а Галочки у нас нет. Избавьте меня от него. Хотя мужчина он интересный. Не хочу, чтобы вы на меня что-то из-за него надумывали.

Тома Семеновна. Маленькая ты еще. Наивная. Конечно, поговорю с ним, только и ты помалкивай и никому, особенно таможеннику своему. А то, если не понимаешь, лучше в эти мужские дела и не лезть.

Юлечка. Спасибо, Томочка Семеновна, вы такая умная!

Тома Семеновна. Я не умная, я опытная. Была бы умной

– не была бы такой опытной. Смотри помалкивай, напугаешь Ильюшу – бросит ещё.

Юлечка. Молчу и превращаюсь из зайчика в молчаливую рыбку.

В комнату вваливается в обнимку навеселе Юра Комарницкий с Санькой Куролесовой.

Комарницкий. Ё-моё, девчонки, у вас что здесь? Лесби-шоу? Я не оплачивал.

Санька Куролесова (*повисая на нем*). Двести – и бери нас вместе.

Комарницкий (*доставая из кармана неполную пачку долларов, перевязанных резинкой*). Нате вам двести – и бегите, куколки, потанцуйте голенькими на моих товарищах. Там двое за моим столиком сидят-грустят. Им перезагрузиться надо. От тяжких мыслей «про державу».

Юлечка (*с улыбкой иронично к Томе Семеновне*). Нет, ну какой козел!

Комарницкий (*улыбаясь*). Я не козел! Я подполковник СБУ!

Санька Куролесова (*поглаживая по голове Комарницкого*). Знаем, знаем, наш фельдмаршал!

Комарницкий. У нас в войсках пока еще таких званий не имеется. Пока не имеется, во всяком случае. Бегите, мои сладкие!

Тома Семеновна. Идите, девочки, делайте настроение!

Комарницкий. Скажите им, что вы от дяди Юры пре-

зент.

Санька Куролесова. Пойдем, Юлечка. *(Комарницкому, расставаясь, оттягивая ручку.)* Я ваша навеки!

Тома Семеновна*(улыбаясь).* Навеки, навеки.

Юлечка и Санька Куролесова уходят мелкими шажками.

Тома Семеновна. Ну что ты, друг мой сердечный? Опять напился?

Комарницкий*(садится напротив).* Отчего же? Нормальный. Устал немного. Кстати *(показывает пальцем в сторону зрительного зала),* там камеры отключены?

Тома Семеновна. Да, как ты сказал. Нестор отключил. И людей сегодня немного.

Комарницкий. Отлично, а то друзьяки из инспекции. Надо, чтобы всё было красиво.

Тома Семеновна. Всё равно ты много пьешь.

Комарницкий. Работа такая. Алкоголь сближает.

Тома Семеновна. Сопьешься! Обо мне вообще не думаешь. Вот нет у тебя совести.

Комарницкий*(улыбаясь).* Совесть есть, но с собой не ношу. Боюсь потерять!

Тома Семеновна. Подонок.

Комарницкий. Это тоже правда.

Тома Семеновна*(улыбаясь).* За это и люблю, что признаёшь.

Комарницкий. Что Юлечка?

Тома Семеновна. Юлечка фантазерка. В отказ идет. Типа у них с твоим таможенником любовь. Молодо-зелено. И шубку он ей подарил, в отличие от тебя.

Комарницкий. «Порш-Кайен» на очереди значит. Как же его вербануть? Он ещё год как минимум начальником таможни будет.

Тома Семеновна. У тебя же есть записи его с девочками. Чего тормозишь?

Комарницкий. Та-а, это фигня. Он на такое не поведется.

Тома Семеновна. Ну жена-то личико расцарапает?

Комарницкий. Жена у него хоть из простой семьи, но не дура. Красивая такая барышня. Для нее это золотая партия. Что ей с двумя детьми делать? Да и упаковывает он ее по полной. Так сказать, на опережение. Имеет всё, и даже больше. Максимум побурчит и перестанет. Он с ней после такого еще больше носиться будет. Такое их только сблизит.

Тома Семеновна. А если в интернет слить или журналам? Так сказать, «небайдужи» антикоррупционеры?

Комарницкий. Что это даст? Он мажор. У него родня в Верховном суде. Это с целым кланом за ничто зарубиться. Через две недели всё забудут, но осадок останется. Мне же его не сажать надо. Надо, чтобы работал, чтобы отношения были, сотрудничал. А у него корона.

Тома Семеновна. Ну не знаю. Ваши комбинации на наши ночнушки не похожи.

Комарницкий. Вопрос в том, что надо законно, по непосредственной его работе подставить, подтянуть. Да чтоб еще по вертикали вверх могла легкая вонь пойти. Чтобы дяди в больших кабинетах рыльца свои повернули и подхрюкали (*скривившись*): «Что-то у нас крысят?». И тут я – на белом коне. Помогаю ему вырулить.

Тома Семеновна. Тогда надо только на работе смотреть.

Комарницкий (*достает телефон*). А ну, подожди.

Тома Семеновна. Та куда ты уже наяривать собрался?

Час ночи, люди спят.

Комарницкий (*набирает номер*). Не, он на смене. (*Говорит в телефон иронично.*) Алё! Извините, что помешал вам по чужим сумкам лазить и себе перекладывать! (*Пауза. Улыбается.*) Привет, дорогой. Трудишься? Что там по твоей смене? Ничего не было? Тишина? Всё сквозит только по расписанию? Я понял. (*Пауза.*) Та не сплю! «Держава в небезпеци»! Бдю. Хочешь? Подтягивайся – забдим вместе! (*Пауза.*) Не можешь? Ну смотри, а то бы рад был видеть, пока свободный. Ладно, обнимаю.

Тома Семеновна. И что?

Комарницкий. Порожняк. Всё схемное катится по расписанию под радетелей народных (*показывает взглядом наверх*). Так... если вдруг какой лошара отсебятину решит схимичить – мои пацаны по мелочи словят. Там треть таможни в агентуре – сольют на раз-два-три. Очередь в агентуру стоит. Все хотят прикрытие. Чтоб на их мелочи-проказы поп-

ку прикрыли. Надо схемное, долгоиграющее, чтобы без партайгеноссе – сначала угородить, а потом вырулить. И тогда Ильюша под контроль встанет. Провокацию надо жирную. И тогда контакт будет. Понимаешь, дурья твоя башка! Но красивая! Иди поцемаю мою сладкую.

Тома Семеновна (*улыбаясь довольно, самоиронично*). Бабы дуры не потому, что дуры, а потому, что бабы. Иди ко мне, мой мальчик. Только двери закрой.

Комарницкий (*встает, закрывает двери на ключ, и потом как будто его осенило*). Ё-моё, погоди, писечка. Мне Санька Куролесова тут рассказывала, что к вам ходит с недавних пор один грузин прифаршированный. Она хоть и нимфа, но в мозгах опыт имеется.

Тома Семеновна (*недовольно*). Ходит тут один. Такой вроде солидный. *Burberry* костюмчик. Хотя не знаю. У «кавказца», знаешь, как бывает: машины-костюмы дорогие, сами с иголки, а больше ничего – всё на них и для гонору. Ну так тратит денежку на девочек. А что Санька уже наплела?

Комарницкий. Та не ревнуй попусту. Говорит, что коньячным спиртом занимается. Вроде из Грузии возит. Жалуются, что у него вечно геморрой на таможне, и говорит, что за тобой тут ухлестывает – любит постарше, солидных женщин.

Тома Семеновна (*растерянно*). Юрочка, я только с ним по работе. Только секс. Да и какой там секс? Две минуты – и то пару раз. Никаких отношений. Ты что? Не надумывай,

я с тобой. Милый, ты что? Не шифруй!

Комарницкий. Та ладно, верю, но смотри мне! Секс сексом, а отношения отношениями! Ну не об этом. Не петляй в сторону.

Тома Семеновна. Юрочка, ты у меня самый лучший, самый близкий, самый первый!

Комарницкий(*иронично*). Первый? Ага, да я понял! Что у тебя уже было соревнование и я его участник! Но не об этом! Не заморачивайся сейчас! Ты меня сбиваешь! Полвторого ночи. Короче, смотри, чего надо, раз он на тебя западает.

Тома Семеновна(*нафосно*). Для тебя всё и всегда.

Комарницкий. Поговори с ним, что типа у тебя есть друзья на таможне и в конторе, что они вместе работают, в связке. Скажи, что можешь помочь и еще заработать. Возьмешь паузу и с ним на следующий день встретиться. Скажешь, что договорилась. Пусть завезет первую партию просто спирта, обычного ректификата, пшеничного там или мелассового, который подешевле. А оформлять его начнет как коньячный. Первый контейнер тонн на 15 мы пропустим. А второй хлопнем. Скажи: деньги положим через тебя за оба – тридцать тысяч плюс его пятерка за хлопоты. Мы возьмем напишем два протокола – мол, пресекли схему. Он свою пятерку оставит – мы спирт заберем. Я его пристрою. А на Ильюшу таможенника компру займеем, мол, крысит. И он пойдет на вербовку.

Тома Семеновна. Ну не знаю. Они, грузины, мнительные. Типа по понятиям. Поведется ли?

Комарницкий. Что ему терять? Пятерку заработает, и скажи: на таможене будут его бояться. Будут думать, что под нашей крышей. И пусть себе возит свой коньячный спирт взаправду. Да и всё. А мы, если срастется с таможенником, свою пятерку десять раз отобьем.

Тома Семеновна. Хорошо, поговорю. Но только ты не думай: у меня с ним ничего нет!

Комарницкий. Вот завелась! Всё запомнила?

Тома Семеновна. Да всё вроде. Если что, перезвоню переспрошу. Иди, наконец, ко мне. Хочу тебя всегда, ум возбуждает. И на Майорку, чтоб только ты и я. Навсегда!

Комарницкий. Вот шлюшка! А меня твоя похоть заводит! Сейчас съем!

*Пересаживается к ней поближе, обнимаются.
Плавно гаснет свет. Занавес.*

Картина вторая

Та же комната отдыха в стрип-клубе. Поздний вечер. Доносятся звуки музыки для стриптиза. Иногда слышен залихватный смех. На журнальном столике Baileys или Sheridan's для дам и виски для мужчин. Тарелка с нарезанными фруктами. Оливки. Недорогая посуда для бухла. Вокруг столика на диванах сидят Тома Семеновна и Валера Грузин. Выпивают. Валера Грузин говорит с легким грузинским акцентом. Чуть больше оранжевого освещения.

Валера Грузин. А-ливочки. Вот попробуй виски, а после а-ливочку.

Тома Семеновна. Валерочка, мне надо быть в форме. Поэтому я чуть «Бейлиса» посёрбаю. Мне же надо за всем присматривать. Я же не бухаю, только для поддержания компании такому солидному мужчине, как ты. По капельке.

Валера Грузин. Для меня а-ливочки после виски – это как вкус такой обольстительной женщины, как ты, Томочка. Иногда сладкий, иногда с горчинкой. Но всегда освежающе-пьянящий. У нас в Грузии моя тетя их так прекрасно готовит.

Тома Семеновна. А на Майорке идешь по рынку – вы-

ставлено видов 20–30 маслин. Какие хочешь и как хочешь приготовлены. И на разных рынках можно встретить разные. Удивляешься: каких только вкусов не придумает человек? А с хлебушком тамошним свежим да с айоли... И маслинку, фаршированную брынзочкой какой-то ихней, а потом освежить белым местным вином. М-м-м. Такого айоли, как там, я нигде не ела, можно просто ложкой наминать. В магазинах такого не купишь.

Валера Грузин. Я бы тебя свозил на Майорку, но сначала в Грузию, чтобы ты реальную красоту посмотрела. Будешь очарована.

Тома Семеновна. Я на Майорку хочу.

Валера Грузин. Съездим, обязательно съездим. Вот только с бизнесом разберусь – я здесь в «реальный сектор» пошел. И помчимся мою прекрасную девочку радовать, погреться, попочку солнышком ласкать.

Тома Семеновна*(потягиваясь как кошка)*. Ой, хочу, ой, хочу. Я здесь так устаю. Постоянно кто-то ходит, кто-то напивается, какие-то проверки. Нет спокойствия, всё от кого-то зависишь. А мне лишь – спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

Валера Грузин. А что, ходят, отвлекают? Проверками замучили?

Тома Семеновна. Ходят, хотя не особо. У нас всё как бы схвачено. Сам понимаешь. Но всё равно есть постоянно опаска, что вот завтра кого-то на должности сдвинут: раз те-

бе – и маски-шоу. Борьба за мораль нации. Тут же и депутатишки бывают. Для лохов показательно борются, речи горячие говорят, а после к нам.

Валера Грузин. Депутаты? Еще таких проституток, как они, поискать надо! Там вечный праздник лицемерия.

Тома Семеновна. А я им иногда говорю, когда пьем вместе, что, мол, еще неизвестно, кто больше проститутки, мы здесь или вы там? Мы телом, а вы душой. В шутку конечно, но они и не обижаются.

Валера Грузин. Козлы они все.

Тома Семеновна. Ну а с другой стороны – народ малообразован, в фантазиях летает, вот они и подстраиваются под их иллюзии. Всё просто: обещать можно всё что угодно, а кушать уже хочется.

Валера Грузин. И часто маски-шоу бывают?

Тома Семеновна. Да нет, раз в год или в два. Как отвлечь народ надо – так и борются. *(Пауза.)* С самой древней профессией. Это как голод побороть. Муж хочет, а жена тюфтелей наелась – и мордой в подушку. Или наоборот. Вот к нам и хочется. У меня пятнадцать девочек, и всех сама отбирала – с бесятами в глазах. Душу отвести и телу приятно сделать. А маски-шоу так, для картинки, что что-то делают.

Валера Грузин. Везде такое – показуха и повод сбить денег. Меня на таможне так затрахали. По мелочам цепляются. Там раздай, здесь раздай, а потом еще и товар продай. Благо, что товар не скоропортящийся, иногда до месяца стою. Вез-

де огорчения – только ты радость.

Тома Семеновна. Так под контору бы зашел и работал бы себе потихоньку. Что-то крупное всегда так делают.

Валера Грузин. Под контору? Под СБУ имеешь в виду?

Тома Семеновна. Ну да.

Валера Грузин(*выпивая*). Да я же не очень крупный, скорее так – шью себе на дому.

Тома Семеновна. Ты же вроде говорил, что коньяк грузинский возишь.

Валера Грузин(*вальяжно*). Нет, спирт коньячный, иногда виноматериалы. Хотя тут и своих старых совковых заводиков много, где коньяк разливают. Даже притом, что в свое время Горбачев повырубывал виноградники... Всё равно много осталось. Но у нас, в солнечной Грузии, виноград-то лучше! На весь мир вина гремят. Хотя здесь, в Украине, покрепче любят. Поэтому коньячный спирт вожу, тут с него уже коньяк делают. С местными спиртами мешают и делают.

Тома Семеновна. У меня один знакомец был, только он здесь спиртом занимался. Водку подпольно делал. Из Тернопольской области, говорил, там при Совке чуть ли не двадцать спиртзаводов было. Вот он там занимался. Говорил, что со спирта любой напиток сделает.

Валера Грузин. Ну коньячный спирт дороже обычного раз в семь. Он же из винограда.

Тома Семеновна. Ой, а что, лохи разбираются? Им глав-

ное слово – коньяк. Вон у нас на охране Нестор стоит, так он коньяк от виски не отличит. Но на сабантуях всегда подороже бухло налить просит – главное, чтоб подороже. Девочки даже угорали с него: наливают одно, а говорят другое. Рассказывают ему, что он очень дорогое пьет. А тот доволен, как слон под баобабом.

Валера Грузин. Ну там документы. Раз-два-три проверить – не так уже много производителей и возчиков нашего спирта. И там такие штрафы с конфискацией.

Тома Семеновна. Так ты же возишь. Ты документы с какого-то офшора на Кипре сделать в три секунды можешь.

Валера Грузин*(пьет виски и поперхнулся с округленными глазами)*. Да. Да. Да. *(Лицо осветлилось, удивляется.)* Да ты какая умная женщина! Там же если обычный, как коньячный, – в семь раз разница! Опустить цену до пяти долларов – очередь встанет и при этом подъем будет в триста процентов! Какое ты золото! Какое ты золото! Ой, погоди, инфаркт хватануть может!

Тома Семеновна*(беспокоясь)*. Ты что? Не нервничай, не волнуйся так! Плохо тебе?

Валера Грузин*(думая, пытаясь обуздать мысли и мигая глазами, переводя дух)*. Ой, не знаю! Ой, хорошо! Какая ты умная женщина! Ты просто сокровище! Моя прелесть!

Тома Семеновна*(беспокоясь и вскакивая)*. Ой, что же вы, мужчины, такие впечатлительные! Ты смотри не окочурься мне здесь! Только этого не хватало!

Валера Грузин*(с горящими глазами)*. Ой, хорошо, хорошо. Только дай воды, а то дух сперло. И эсбэушников ты знаешь... Какая ты замечательная женщина! Светлая голова в темном царстве разврата! Ой, молодец!

Тома Семеновна подает ему воды.

Тома Семеновна. На, Валерчик. Ты смотри не пугай меня так. Господи, как дитё малое. Ты что, смотри не помри. Горячий грузинский парень.

Валера Грузин*(восхищенно)*. Дура, ты не понимаешь, что ты придумала!

Тома Семеновна*(иронично улыбаясь)*. Ну вот, только же была умной!

Валера Грузин*(хватаясь за сердце)*. Прости! Умная! Умная! Ой, умная! Прости! Золото ты мое! *(Целует ей руки.)* Золото! Всё новое – хорошо забытое старое! Било лет пять, как жестко зажали эту тему. Мы еще в Совке коньячный спирт обычным разбавляли. Но тогда тоже жестко было. А сейчас можно совсем обычный закрасить коньячным, добавить виноматериал – и руби себе бабло! Главное, чтобы из Грузии или из виноградной страны приплывал по документам. А еще можно тут под приплывшее документы бодяжить! Золото ты мое. И эсбэушников ты знаешь. Только надо умного и не жадного, чтоб по-тихому всё запетлял. С таможней там типа.

Тома Семеновна. Да вот у меня кто таможню у них курирует чуть ли не каждый день бывает.

Валера Грузин(*радостный*). Какая женщина! Поедем на Майорку! Буду всю жизнь у ножек лежать!

Тома Семеновна(*иронично*). Ага, да все вы так говорите. Так сладко врете, что потом можно пить кофе без сахара.

Валера Грузин(*возбужденный*). Ты что! Заработаем сейчас денег. Ты, главное, с конторским своим договорись. Такая умная женщина. И жениться буду, наверное, в четвертый раз. Не хочешь в Грузию – поедem на Майорку жить! Будешь моей королевой!

Тома Семеновна(*успокоительно довольно*). Ну посмотрим. Не горячись.

Валера Грузин(*задумчиво*). Но если мы завезем и оформим обычный как коньячный, а тут начнем бодяжить, то... (*Загибая пальцы.*) Таможня, СБУ... Надо будет еще с налоговой местной улаживать. У них там по надзору за акцизными товарами отдел есть. Надо еще подумать.

Тома Семеновна. Подумаем, надо с эсбэушником посоветоваться. В любом случае какая-то схемка вырисовывается. Хотя не факт, что срastётся.

Валера Грузин(*наспуясь*). Нет. Нет. Это шанс. Его нельзя упускать. Надо доработать.

Тома Семеновна. Так, может, на всех не хватит.

Валера Грузин. Хватит. Ты смотри. Обычный спирт – по доллару иди залейся. А коньячный по семь. Два скинуть, чтобы очередь стояла. Остальное к распилу.

Тома Семеновна. А брендовые там французы всякие во-

нять не будут?

Валера Грузин. Та мы к ним отношения не имеем. Да и что ты думаешь, они что, только из французского коньячного спирта коньяки мешают? Вон они завод у армян выкупили, как только Совок развалился. Со всего мира виноматериалы стягивают и купажируют. И у них элитное бухло, мы в их сектор не полезем.

Тома Семеновна. Ой, прямо производственное совещание. Лобковой менеджмент просто какой-то.

Валера Грузин. Зачем ты так? Ум, опыт и самоирония – редкость в наше время. Я заметил, у тебя самобичевание какое-то присутствует. А ты чудесна. У тебя всё еще впереди.

Тома Семеновна. Ага. Да. Пришло то время, когда время уже ушло.

Валера Грузин. Опять ты. Брось. Сейчас денег рубанем – и, если ты мне так уже не веришь, полетишь на свою Майорку. Хотя лучше со мной. Можно в Лондон.

Тома Семеновна. А что там? Цены дикие, а пожрать толком нечего.

Валера Грузин. Там деньги крутятся знаешь какие?

Тома Семеновна. Крутятся, но не для нас.

Валера Грузин. А что бы ты от жизни хотела?

Тома Семеновна. Того, чего и все: денег, секса и зрелищ. А остальное лишь лицемерные вариации прикрытия – комбинации этих трех китов.

Валера Грузин(*печалась*). Да. Квинтэссенция нынешне-

го мира. Потребление. А хочется чего-то возвышенного. Вот у меня на душе часто что-то крутит, что-то как болит, как сверлит, знаешь. На какой-то противный комариный писк похоже. И болит, и болит душа. Пустота. А к тебе приеду, поговорю, выпью, понаслажусь тобой – и проходит. Странно, но еще в церкви так бывает. Парадокс. Иди ко мне, моя девочка.

Тома Семеновна. Да юродивые мы все – что здесь, что там. М-м-м, только помирал и уже воспрял, вот парадокс.

Сплетаются в объятиях. Занавес.

Действие второе

Картина первая

Та же комната отдыха в стрип-клубе. Поздний вечер. Доносятся звуки музыки для стриптиза. Иногда слышится смех. На диване устало сидит лежа, расставив прямые ноги, как кукла в платице, Тома Семеновна. Руки тоже выпрямленные и разведены в стороны вверх ладонями. Чуть больше желтого освещения.

Тома Семеновна (напевает песню Стоцкой «Прикольная»).

*Бьют волны, а мне не больно.
А мне прикольно, а мне прикольно.
Бьют волны...*

Входит Комарницкий.

Майорка

Комарницкий*(иронично)*. Что, там тебя уже бьют? По лобку, что ли, опять настучали? Выносите бабушку, она уже полная?

Тома Семеновна*(иронично грустно, пересаживаясь, поджимая ноги под себя)*. По лобку? Ну да. Что ж поделаешь? Так работа такая. Полнит. *(Пауза.)* Каждого по-свое-

му. У тебя-то башка тоже полная, как кого наклонить: делаем копии с документов – подлинник не требуется! Закон как дышло – куда повернул, туда и вышло! Комар носа не подточит!

Комарницкий (*извиняясь*). Ну всё, всё. Извини ради бога. Зло пошутил. Виноват. Прости. Дурак, что по-турецки означает тормоз.

Тома Семеновна. Да я на правду не обижаюсь. На правду нельзя. Что, я виновата, что шлюхой уродилась? Или ты кровопийцей? Ой, нет, «доминирующим самцом».

Комарницкий. Ну, писюнечка, извини. Ты же знаешь, я черный юмор люблю. Ты права. Каждому своё. Все в мерзости утопи, а я так тем более. На подонков злиться нельзя, только убивать. Но у тебя душа бездонная, как и пися. Шучу. Шучу. (*Улыбается.*) Ты всё простить можешь. Прости меня. Ты же знаешь, я от твоей похоти балдею. Откуда в тебе столько энергии?

Тома Семеновна. Не знаю. Уродилась такой. Я до двадцати лет почти приличной и стеснительной девочкой была. В университете на романской филологии французскому и испанскому языку учиться пыталась. Потом папа умер и пришлось еще по-другому языком владеть научиться. А что? Денег нет, а ехать надо.

Комарницкий. Нет. В тебе какая-то природная сексуальность есть. Желание. Страсть. Тебя хочется. Что-то необузданное такое.

Тома Семеновна. Это гормоны. Такая уродилась. Обожаю секс и когда в глазах меня жаждут. Иди ко мне.

Комарницкий. Не-не. Подожди. Делу время – потехе час. А то я сейчас отстреляюсь и спать захочу. Погоди. Ты мне скажи: ты с грузином разговаривала по нашему вопросу?

Тома Семеновна. Не по нашему, а по твоему вопросу.

Комарницкий. Ну почему, может, тебе тоже кусочек отвалится.

Тома Семеновна*(иронично)*. С твоего-то стола? Ты, Юрочка, для меня помощник из той группы людей, которые приносят больше пользы, когда ничего не делают.

Комарницкий. Всё, что ни делается, – всё к лучшему.

Тома Семеновна. Ага, да. Только не всегда к нашему.

Комарницкий. Колючая ты сегодня. Злая. Не сучи, зайчик. Я же всё время, так сказать, негласно помогаю. Вон: трудитесь, работает заведение, денюжка идет. И заметь, мне, кроме твоего расположения и разных чисто информационных мелочей, ничего не надо.

Тома Семеновна. Да, да. Мы трудимся, а вам просто даже трудиться не надо. Так, сплели паутинку и ждете. Ну да ладно. Говорила с ним. Довольный.

Комарницкий. Я же говорил, что его это заинтересует.

Тома Семеновна*(слегка дразня)*. Я же говорил. Я же говорил. Уже корону на голову тащишь. Так да не так, как ты говорил. Он немного другое предлагает.

Комарницкий*(недоверчиво)*. Да? Ну-ну. И что предлагает?

Тома Семеновна. Он говорит, что ему ваша пятерка сверху как мертвому припарка, что если влезет в дело против начальника таможни, то годами может по судам тусить да показания какие-то давать. А вы потом под себя всю ситуацию развернете, денег рубанете, а ему еще придется доказывать, что он не дурак. За адвокатов платить и про таможню забыть. Сказал: деньги любят тишину.

Комарницкий*(показательно огорченно)*. Да? Точно так сказал? Какой он недоброжелательный. Просто пессимист какой-то.

Тома Семеновна. Я ему тоже так сказала.

Комарницкий*(соглашающе, мотая головой)*. Почти правильно. А он?

Тома Семеновна. А, он посмеялся и сказал, что быть пессимистом – замечательно, потому как он или всегда прав, или приятно удивлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.